

*Исторические науки***«ОСТАВЛЮ МИР ЧЕСТНОЙ
И СВЕТ БЕЛЫЙ, УЙДУ ВО ЧИСТОЕ
МОНАШЕСТВО...». ПОСТРИЖЕНИЕ
В МОНАШЕСТВО КАК ПОВОД
К РАСТОРЖЕНИЮ БРАКА В РОССИИ
XVI – НАЧАЛА XVIII В.**

Козлова О.А.

*Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии
наук, Москва, e-mail: koa100011@rambler.ru;
olga198596@yandex.ru*

В современном обществе вопрос сохранения семьи и брака является наиболее проблемным и актуальным, потому исследование аспектов, связанных с историей бракоразводного права, должно занимать одну из приоритетных ниш в социологических, этнографических и культурологических направлениях современной науки. Вопрос воспитания у народа патриотизма, нравственности, верности традициям сейчас стоит особенно остро, в связи с чем изучение нюансов, связанных с традиционными моральными убеждениями, ролью церкви и государства в частной жизни семьи, представляется нужным и важным в рамках современного социального и культурного развития общества.

Расторжение брака как явление юридической и социальной жизни общества существовало в России на протяжении многих столетий. Согласно каноническому православию, развод являлся чем-то неестественным и богопротивным, поскольку в данном случае людьми расторгался брак, благословлённый Богом, что противоречило ведущим христианским доктринам. Роль религии и церкви, проповедуемых ими моральных ценностей и нравственных устоев, особенно после написания знаменитого «Домостроя», настолько возросла в Московии XVI–XVII вв., что юридическое право учитывало пожелания и каноны церкви в столь щекотливых вопросах, как прекращение семейно-брачных отношений.

Кризис династии Рюриковичей и последующее её прекращение, Смутное время и начало правления династии Романовых, так серьёзно повлиявшие на облик страны и общества, ни коим образом не повлияли на ведущие аспекты частной жизни любой московитской семьи и расторжение брака, где продолжали играть ведущую роль верность традициям и влияние религиозного контекста, сфокусированного на сохранении ведущих нравственных убеждений и моральных ценностей.

Историография проблемы любопытна своей контрастностью: в рамках дореволюционной историографии по вышеуказанному вопросу и тесно связанным с ним аспектам по-

ложения семьи, степеней родства, тесной связи семьи и общества в государстве, присутствующую труды А.И. Загоровского, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.С. Иконникова, А.П. Щапова. Исследователи рассматривали роль семьи и её членов в частной и общественной жизни, изучали складывание института традиций и обычаев, верность которым приветствовалась в допетровской Московии. А.И. Загоровский в своих работах соединял юридический контекст с этнографическими описаниями, а А.П. Щапов фокусировал внимание на положении и роли в семье женщины как жены и матери. Советская историография практически не затронула вниманием вышеуказанный вопрос, но в постсоветских исторических исследованиях возродился интерес к изучению повседневности и частной жизни, в том числе к бракоразводному праву, что прослеживается в трудах Н.Л. Пушкарёвой, И.С. Кона, Т.Н. Мальковской, А.В. Беловой, Т. Максимовой. Эти исследователи сумели в своих работах объединить сферу гендерных отношений с юридическими аспектами, что составляет несомненный научный интерес, но нуждается в дальнейшем развитии в силу малого количества времени, в ходе которого осуществилось возвращение исследований к сфере изучения истории этнической повседневности.

Согласно исследованию А.И. Загоровского, в допетровской и петровской России существовало немало поводов к разводу. По его выражению, «...с Петра Великого замечается явственно новое течение в области нашего бракоразводного права. Это течение вызвано было мерами этого государя, направленными на поднятие значения личности русской женщины в обществе и в особенности в семье, указами, изданными Петром и постановлениями церкви, имевшими целью гарантировать свободу брачующихся и наконец законами его и его преемников, положившими начало, согласно которому все законодательные нормы, касающиеся брачного права, требовали санкции монарха...». Пережив опыт наитруднейшего развода с Евдокией Лопухиной, Пётр воспользовался первым случаем, чтобы, ослабив могущество церкви, допустить в государстве возможность расторжения брака, поводы к которому заранее обговаривались. Он узаконил право свободного выбора женихов и невест, запретил вступать в брак «дуракам» и назначил более зрелый брачный возраст, чем определено в Кормчей. При нём зародился взгляд на брачный союз как на акт свободной воли брачующихся.

О пострижении в монашество следует говорить особо и обстоятельно, т.к. оно являлось едва ли не доминирующим поводом к расторжению брака в равной мере как для мужа, так и для жены. Объяснение этого повода простое:

поскольку один из супругов посвящал себя Богу, то он более не имел права вести «злую», богопротивную супружескую жизнь, целиком и полностью отдавая себя, своё тело и душу на стезю служения Господу. Сексуальные отношения между супругами, которые ранее рассматривались как возможность продления рода, теперь не требовались, т.к. супруг(супруга) уходили из «мира» «к Богу», покидали свою семью и более не принадлежали ей, становясь частью небесной, «Божьей» семьи. Обет celibата, даваемый мужем или женой при принятии пострига, обязывал их отринуть всё мирское и посвятить остаток дней молитвам и искуплению грехов.

В рамках данного повода церковь требовала, чтобы супруг, собравшийся принять постриг, пришёл к этому решению самостоятельно и добровольно, но и другой супруг, остававшийся «в миру», должен был быть согласен с его пострижением: «...если мужу жена не даст ножниц, то не должно постригать его в монахи, то же и жене...».

Поскольку развод вследствие принятия монашества был разводом «без вины», оставшийся в миру супруг мог вступать в новый брак, т.к. «несемейное» положение человека рассматривалось как грех и нечто неестественное.

Возможно, ни один повод к разводу не был в России с таким размахом, как пострижение в монашество. Даже правители, обладавшие колоссальными властными полномочиями, предпочитали именно его как безошибочный и наивернейший способ расторжения брака.

Обоюдное полюбовное соглашение супругов в отношении пострижения одного из них в монастырь составляло нормальный юридический порядок при разводах такого рода и являлось идеалом мирного урегулирования столь сложного вопроса, которым являлся развод. Не менее, если не более частыми были практические случаи воли только одного супруга, преимущественно мужа, жаждавшего избавиться от надоевшей супруги, путём самопострижения или пострижения жены в монастырь.

К сожалению, чаще и обычнее всего в рамках этого повода к разводу было «приневоливание другого супруга к принятию монашества». Потому в обществе быстро сложился стереотип того, что обряд пострижения немедленно разрывает брачные узы. Недовольному своей половиной супругу следовало только добиться сопричисления другого супруга к «ангельскому чину», и неприятный брак расторгался, а вместе с тем открывалась возможность найти себе другого супруга более по душе, чем первый. Наиболее распространённым мотивом к такому расторжению брака было бесплодие жены, что показано на нижеследующем примере: в начале XVI века московский великий князь Василий III расторг бездетный брак с Соломонией Сабуровой, обвинив её в бесплодии, для того, чтобы

жениться повторно на Елене Глинской, но этот брак и обществом, и большинством священнослужителей был воспринят резко отрицательно, а некоторые современники назвали второй брак князя прелюбодеянием.

Спустя примерно полвека Иван IV Грозный также насильно постриг в монахини свою жену Анну Колтовскую, таким образом насильно расторгнув с нею брак.

Уже в конце XVII века такую же практику использовал Пётр Великий, отправив в монастырь нелюбимую жену Евдокию Лопухину, даже несмотря на то, что обвинить царицу в бесплодии не представлялось возможным: в браке родилось трое детей, двое мальчиков умерли в младенчестве, но старший сын Алексей был здоров.

Тот факт, что даже монархи, имея значительный спектр прав и полномочий, предпочитали именно такой способ расторжения брака, свидетельствует о значительной роли религиозных убеждений в обществе, бороться с которыми не смогли даже введённые Петром Великим просветительские европейские взгляды. Сам государь-реформатор вынужден был также следовать схеме, используемой ещё его предками, причём этот опыт развода с Евдокией оказался чрезвычайно трудным и длительным, поскольку царица категорически отказывалась принимать постриг и условия, поставленные супругом, убеждённо доказывая своё законное право на трон и звание супруги и государыни.

Несмотря на юридическое усмотрение о равноправии женщин с мужчинами в вышеуказанном вопросе, чаще всего муж, выступая активным инициатором развода, добивался пострижения супруги крайними, если не сказать жестокими, мерами, «...старался избыть нелюбимую жену и для достижения этой цели не брезговал никакими средствами». Муж, задумавший постричь жену, если она «по доброй воле» не выполнит его желания, «бьёт и мучит её всячески», пока она сама не пострижётся.

Александра Григорьевна Долгорукая много лет терпела тиранию со стороны своего мужа Василия Салтыкова, брата царицы Прасковьи Фёдоровны, открыто живущего со служанкой и истязавшего жену, подтверждением чему служит его оправдательная записка в Юстиц-коллегию Петербурга: «...Жену свою я до смерти убить не хотел, а бил её своеручно не мучительно за вины её, за что надлежало». Пример этот показателен в связи с тем, что, несмотря на десятки челобитных на имя Петра Великого, отправленных государю отцом женщинами, просящим для дочери развода ввиду вышеупомянутых обстоятельств, дело о расторжении брака настолько затянулось, что А.Г. Долгорукая вынуждена была уйти в монастырь, дабы освободиться от супружеских уз. Трудно судить, стремился ли В.Ф. Салтыков расстаться таким образом с же-

ной или здесь сыграло роль откровенное психическое отклонение и маниакальная жестокость в его развитии, но он открыто сожительствовал со служанкой, часто оставлял жену в её светлице «окровавленную, откуда забирала её к себе племянница, будущая императрица Анна Иоанновна. ... Сердобольная Анна Иоанновна плакала, когда привозили к ней в Митаву избитую тётушку Александру Долгорукую. И, пока врач лечил её раны, муж Салтыков развлекался со служанкой, живя с ней совершенно открыто, а, насытившись её ласками, приезжал за «вылеченной» женой и забирал её на новые истязания». Как уже упоминалось ранее, А.Г. Долгорукая при посредничестве своего отца самостоятельно добивалась у Петра I разрешения расторгнуть ненавистный брак, но делопроизводство так затянулось, что женщина вынуждена была, спасая свою жизнь, уйти в монастырь. В рамках этого уникального примера, соединявшего в себе два столь значимых юридических повода к расторжению брака в допетровской Московии и петровской России, как прелюбодеяние (а, проще говоря, – измена – О.К.) и пострижение в монахи, необходимо отметить, что спектр прав женщины по сравнению с мужчиной в ходе этих двух аспектов предусматривался равным в законопроизводстве с теоретической точки зрения, а на практике женщина во многих нюансах не обладала всеми теми полномочиями и правами, которые ей предписывал закон, и часто ущемлялась в своих правах, о чём наглядно свидетельствуют приведённые выше примеры.

Церковь, как известно, выработала свои методы ограничения вступления в новый брак оставшегося «в миру» супруга, но, как мы убеждаемся на практике, эти ограничения во многих

случаях не действовали, примером чему служат повторные браки вышеупомянутых российских монархов. Следует заметить, что законодательство предусматривало для женщины право вступления в новый брак в том случае, если в её прежней семье не было детей, следовательно, она должна была «продолжить свой род», или же дети были несовершеннолетними и требующими особого ухода и многочисленных финансовых затрат, которые не могла позволить себе в силу различных обстоятельств их мать. От этих неприятностей её мог спасти новый брак, когда муж становился опекуном её несовершеннолетних детей и выручал её из затруднительного материального положения.

Петровские преобразования, существенно изменив стиль и образ жизни дворянства (высшее сословие подверглось наибольшему изменению), не сумели окончательно вытравить из сознания российского социума многовековую связь этнических воззрений с религиозными предрассудками, потому женщина, даже в начале XVIII в. воспринимаемая консервативно-настроенным обществом как «...диавол цвет, ... ехидна и василиска», т.е. существо низшего порядка, в законодательстве была ограничена в правах, что предстояло ещё модернизировать и что изменилось в эпоху «русского матриархата».

В любом случае, необходимость рассмотрения вопросов бракоразводного права и воспитание верности традициям на акцентировании роли семьи остаётся приоритетным в рамках развития общества, потому уроки, которые возможно извлечь из истории повседневности, должны благотворно повлиять на современный российский социум.

Педагогические науки

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Баймолдина С.М.

*ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Российская
криминологическая ассоциация, Москва,
e-mail: baimondina@mail.ru*

В начале третьего тысячелетия, на фоне процессов глобализации интеграции науки, техники, общественных, политических, экономических отношений, особую актуальность имеют вопросы, связанные с интеграцией высшего образования, мобильности специалистов в различных отраслях науки и практики.

Республика Казахстан также, как и Россия, присоединилась к Болонскому процессу, что влечет необходимость внедрения международных стандартов в систему высшего образования.

Вопросы внедрения Болонского процесса в страны СНГ, в частности, цели, динамика, структуры Болонского процесса, пара-

метры Европейского пространства высшего образования, текущие достижения стран-участниц в совершенствовании структур степеней, систем качества описаны на базе исследований В.И. Байденко, Н.И. Боголюбовой, Е.А. Горбашко, И.А. Горлинского, Ю. Давыдова, П. Згаги, Г.А. Меньшиковой, В.Н. Мининой, Ю. Похолокова, В. Сенашко, Е.Э. Смирновой, В.С. Соболева, С. Райхерта, К. Тауха, Г. Хауга и др.

Особенности модернизации высшего образования России с учетом европейских тенденций интеграции в гуманитарной сфере анализируются на основе работ И.В. Барбашина, И.В. Карапетянц, Т.Л. Клячко, Н.М. Колычева, М.В. Ларионовой, С.А. Медведева, Н.К. Чернявской, В.Д. Шадрикова, Н.П. Щербакова. Изучая активность российских вузов как субъектов реализации болонских соглашений, мы опираемся на идеи Т.Л. Клячко и Е.Э. Смирновой. Проблематика интеграции в форме международных программ подготовки, методические,